

In: Черткова, М. Ю. (ред.) *Типология вида: проблемы, поиски, решения*, 43–58. Москва: Школа «Языки русской культуры». 1998.

А. Барентсен
Амстердамский университет, Нидерланды

ПРИЗНАК «СЕКВЕНТНАЯ СВЯЗЬ» И ВИДОВОЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

[Резюме содержит несколько неточностей и поэтому здесь опускается.]

1. Вступительные замечания

Судя по аспектологической литературе последних лет и по докладам, прочитанным на нашей конференции, аспектологов продолжают волновать вопросы, связанные с концепцией инвариантного значения.

Как известно, после периода классического структурализма, в котором понятие инварианта имело статус краеугольного камня в области семантики морфологических категорий, в недалеком прошлом были высказаны сомнения насчет возможности или необходимости формулирования “общего значения” для русских видов [Гловинская 1982; Тимберлейк 1985]. Это вполне понятная реакция на существовавшую практику формулирования инварианта на довольно скудной основе, через тот или иной единичный признак типа «целостность» или «предельность». В самом деле, многогранность русского вида такова, что охватить ее одним признаком, как бы значителен он ни был, практически невозможно. Другим недостатком такого подхода является то, что с помощью определений, основанных на одном единственном признаке, очень трудно объяснить различия между значениями русского вида и значениями видовых элементов других языков. Так, при определении видовых значений различных языков часто употребляются одни и те же признаки, хотя поведение соответствующих форм может довольно сильно различаться. На наш взгляд, различия в поведении форм, в принципе, указывают на то, что они имеют не вполне одинаковое значение. В идеале общие значения форм разных языков должны формулироваться так, чтобы как можно точнее были объяснены сходства и различия в употреблении этих

форм (прибегать здесь к таким понятиям, как “узус” или “прагматика”, следует только в крайних случаях).

Несмотря на трудности адекватного формулирования инварианта, само это понятие слишком важно, чтобы от него отказаться. Как выяснилось на конференции, и вышеназванные авторы сегодня признают важность инварианта, хотя бы для практики преподавания русского языка иностранцам. Необходимо как можно точнее передавать учащимся то общее, что для русского говорящего объединяет разнообразные случаи употребления одного или другого вида.

Возможный путь к более содержательному определению инварианта видовых форм русского языка, могущему также играть необходимую роль при сопоставительных и типологических исследованиях, мы видим соединение разных признаков в некоторое иерархически устроенное целое. По нашему мнению, для определения сути русского вида следует различать три уровня. Каждый уровень можно охарактеризовать через определенный признак, более или менее соответствующий одному из уже ранее предложенных центральных признаков. Мы их называем «предельность», «целостность» и «секвентная связь». Правильность того или иного признака, предложенного ранее, нами не оспаривается. Большинство из предложенных признаков “правильно” (ср. [Шатуновский 1996: 314]). Однако, вместо того, чтобы выбирать какой-нибудь один из них, их надо представлять как иерархически упорядоченные части одного целого. Первая попытка построить такую трехступенчатую модель инварианта СВ была предпринята нами в 1985 году. На русском языке эта концепция изложена в работе [Барентсен 1995]. В данной статье мы попытаемся уделить главное внимание третьему признаку в трехступенчатой модели инварианта СВ — «секвентной связи».

2. Трехступенчатая модель

Значение любой формы СВ современного русского языка можно описать как иерархически организованную совокупность трех признаков: на первом, самом низком уровне находится «предельность», на следующем — «целостность» и на самом высоком уровне — «секвентная связь». Формы НСВ отличаются тем, что выражают отрицательное отношение хотя бы к одному из этих признаков. Каждый последующий уровень предполагает положительную оценку признака предыдущего уровня. СВ выражает всегда совокупность «предельность» + «целостность» + «секвентная связь». Если в значении формы НСВ отрицается признак «предельность», последующие признаки уже не могут проявиться. На среднем уровне форма НСВ выражает «предельность», но тогда отрицается признак «целостность». В таком случае данная форма выражает неполный охват действия, действие в его протекании. Однако,

как известно, бывают также случаи, когда НСВ выражает целостное предельное действие. Тогда противопоставление НСВ с СВ проявляется всего лишь в отрицании признака «секвентная связь», т.е. действие рассматривается не с точки зрения изменений, которые оно вводит в свое «окружение». Внимание сосредотачивается целиком на самом действии.

Остановимся несколько подробнее на каждом из этих признаков.

3. «Целостность»

Начнем с центрального признака – «целостность». Положительная оценка этого признака в инварианте СВ обозначает, что СВ всегда выражает полный охват данного действия. Это особо значимо в тех случаях, когда речь идет о действиях, которые можно представить и в неполном охвате, т. е. как бы изнутри. Для выражения последнего представления, как известно, в русском языке используется исключительно НСВ. Противопоставление по линии целостности - нецелостности находим в примерах следующего типа: *Он как раз ушел vs. Он как раз уходил.*

Признак «целостность» употребляется не только в описаниях русского СВ, но и в определениях различных форм других языков. Характерно, что именно через этот признак определяется СВ в известной работе Б. Комри [Comrie 1976: 3]. В этой работе понятия СВ и НСВ употребляются в обобщенной форме, применяемой к различным языкам. Таким образом принятие этого признака для характеристики русского СВ позволяет объяснить целый ряд параллелей между русскими формами СВ и соответствующими формами других языков. Однако, как уже было сказано, существуют и определенные различия в употреблении форм СВ разных языков. Нельзя, например, полностью отождествлять значение русской формы прошедшего времени СВ со значениями таких форм, как аорист в древне- и новогреческом, французское *passé simple*, турецкий простой претерит (типа *yaptım* 'я сделал') и т. д. Для указания не только сходства, но и различия между данными формами необходимы дополнительные признаки. По нашему мнению, важное различие состоит в том, что в русском языке понятие «целостность» предполагает весьма определенное описание того, **что** именно представляется в целостном виде. В других языках это может оставаться более неопределенным. Это различие становится более наглядным при сравнении форм СВ глаголов, корень которых обозначает некоторое состояние, или не-предельную деятельность, например 'царствовать'. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, форма аористного типа такого глагола (например древнегреческий аорист) может иметь как пердуративное значение ('проводить определенное время царствуя'), так и ингрессивное значение ('начать царствовать') (см. [Comrie 1976: 19]). Оба значения можно рассматривать как следствие применения признака «целостность» к си-

туации, которая сама по себе не предполагает перемены. Очевидно, в греческом языке «целостность» вводит в представление действия некую границу (или границы), но сама форма может и не определять сути этих границ. В русском языке положение другое. Данные два значения не могут передаваться одной и той же формой: выбирается тот или иной глагол СВ, в котором природа данного ограничения уже определена (ср. *Он процарствовал десять лет* и *Царь уехал и зацарствовал Иванушка* (МАС)).

В этой связи очень интересны и факты болгарского языка, где последовательно различается аорист СВ и аорист НСВ. Обе формы выражают определенную «целостность», однако у аориста НСВ ограничения проявления действия могут быть чисто «внешними», связанными с обстоятельствами длительности или ограниченной кратности, в то время как у аориста СВ центральную роль играет определенное «внутреннее» ограничение, связанное с самим лексическим значением глагола. (См. интересный обзор разных случаев употребления аориста НСВ в работе Ю. С. Маслова [1984: 153-169].)

Подобные факты свидетельствуют о том, что в славянских языках вид сильно интегрирован в лексическое значение: СВ предполагает присутствие в значении данного глагола той или иной разновидности представления об ограничении действия. Это качество русского (и вообще славянского) СВ мы и обозначаем через признак «предельность».

4. «Предельность»

Следует иметь в виду, что термин «предельность» используется нами здесь в очень обобщенном виде: то, что А. В. Бондарко называет «предельностью в широком понимании» [Бондарко 1991: 198]. Мы исходим из того, что этот признак присутствует в значении всех глаголов СВ, а также и тех глаголов НСВ, которые образуют с ними чистовидовые пары. В таком понимании «предельность» можно рассматривать как **основу** настоящего видового противопоставления, подобно тому как признак «исчисляемость» является основой противопоставления в категории числа существительных. Итак, в чистовидовых парах лексическое значение глаголов обоих видов содержит одинаковый элемент, указывающий на характер определенного ограничения в проявлении действия во времени. Видовая оппозиция связана с различным отношением к этому представлению: СВ обозначает конечный предел как реальный (т. е. достигнутый) и «актуализированный» (см. ниже), в то время как НСВ переносит представление об ограничении на задний план и концентрирует внимание на само действие. У тех глаголов НСВ, которые могут выражать отрицательное отношение к признаку «целостность», видовое противопоставление имеет наиболее сильный характер. В по-

добных случаях оба вида обозначают действительно разные вещи: в то время как СВ выражает определенное целое, НСВ указывает лишь на его часть. Здесь НСВ передает такой взгляд на действие, при котором предел воспринимается как недостигнутый: представление о пределе остается всего лишь «в перспективе», оно только вносит чувство определенного возможного развития, определенной направленности в представление о действии (ср. понятие «потенциальный предел» у А. В. Бондарко [1991: 198]).

Как известно, в подавляющем большинстве случаев присутствие признака «предельность» в русском языке формально выражено наличием приставки. Как указывает Д. Пайар, значение приставки, в принципе, можно описать в терминах сравнения разных ситуаций, напр. S1 и S2, как определенный «сценарий» [Пайар 1997: 186]. Действие приставочного глагола можно определить как то, что «производит» изменение S1 в S2 (ср. понятие «работы» у О. Н. Селиверстовой [Селиверстова 1997]). Мы будем исходить из того, что значение приставочного глагола (и вообще любого предельного глагола) можно моделировать как последовательность трех ситуаций: X, Y, Z. Ситуация Z отождествляется с S2 в «сценарии» приставки, в то время как S1 в самой яркой форме соответствует ситуации X. Ситуация Y (само действие) представляет собой переход из X в Z.

В зависимости от значения корня, приставки и взаимодействия между этими элементами, взаимоотношения между X, Y, Z могут довольно сильно различаться. На этой основе можно сделать классификацию разных типов предельности. Важную роль играют здесь такие вопросы, как присутствие/отсутствие различий между X и Z (*открыть окно* vs. *посидеть*), дуративный vs. моментальный характер ситуации Y (*открыть окно* vs. *найти ключ*), дуративный vs. моментальный характер ситуаций X и/или Z (так, в известном примере М. Я. Гловинской [Гловинская 1982: 9] *Цены **повысились** и продолжают повышаться* ситуация Z имеет моментальный характер) и т. д. Следует отметить, что в восприятии различий между ситуациями последовательности XYZ определяющую роль нередко играет их субъективная оценка [Кошелев 1996: 152-169].

Подробная классификация разных типов «предельности» (в этом широком понимании) дана в уже названной статье [Бондарко 1991]. В статье [Барентсен 1995] сделана попытка отразить суть подобных групп в терминах определенных конфигураций трех следующих друг за другом ситуаций (X, Y, Z). Подобные классификации могут играть важную роль при сравнении вида в славянских языках с аспектуальными явлениями других языков, т. е. в типологических исследованиях. Но они также важны при описании системы и функционирования категории русского вида. Уже неоднократно указывалось на значительные различия, которые имеют разные типы «предельности» по отношению к спо-

способности образования чистовидовой пары и выражения того или иного частновидового значения (в особенности разновидностей процессного значения).

Подытоживая вышесказанное, можно отметить, что русский СВ обязательно выражает «целостное представление предельного действия». Это значит, что значение глагола можно описать как последовательность XYZ и что средний элемент (Y) этой последовательности воспринимается как одно целое. Таким образом, «целостность» в нашем понимании может и не предполагать длительности у элемента Y. У ряда глаголов Y является моментальным переходом из одной ситуации (X) в другую (Z). По нашему мнению, и такой переход вполне можно назвать «действием», хотя бы для того, чтобы была возможность сказать, что в предложении *Иван потерял ключ* «действие относится к прошлому». Но, конечно, такие случаи являются в каком-то смысле крайними: у таких глаголов признак «целостность» фактически не противопоставляется отсутствию целостности.

На этой стадии анализа для выражения значения, противоположного значению СВ, у НСВ остаются две возможности: он выражает либо не-предельное действие, либо предельное действие в нецелостном представлении. Лишь в последнем случае лексическое значение у форм обоих видов может оставаться совершенно идентичным. Характер данного семантического противопоставления можно сравнить с тем, что присуще таким прототипичным флективным категориям, как категория числа у существительных или времени у глаголов.

Подобную характеристику сути видового противопоставления в русском языке, основанную на сочетании признаков «предельность» и «целостность», в том или ином виде можно найти во многих работах [Русская грамматика 1980: 583]. Однако, существует ряд явлений, которые, по нашему мнению, еще не получили полного, удовлетворительного объяснения в рамках этой модели. Сюда относится, во-первых, особая связь НСВ с повторяемостью (даже целостные предельные действия при повторении выражаются преимущественно через НСВ), а во-вторых, тот факт, что и единичное целостное предельное действие нередко выражается формой НСВ. К таким случаям относится ряд разновидностей общефактического значения НСВ, случаи настоящего исторического (для которого в русском языке почти исключительно используется настоящее время НСВ), разные случаи употребления форм императива и т. д. Особые трудности для данного определения СВ представляют глаголы, у которых действие состоит в моментальном переходе. Поскольку здесь признак «целостность» тесно связан с лексическим значением глагола, остается неясным, почему они все же могут составлять чистовидовые пары. Все эти факты заставляют исследователей, принимающих выражение достижения предела в качестве решающего

признака видового противопоставления в русском языке, прибегнуть здесь к понятию «немаркированности» в яacobсоновском понимании [Jakobson 1932]. Они исходят из того, что НСВ может и не иметь отрицательного отношения к тому, что выражается СВ, т. е. может иметь нейтральное отношение. Таким образом, можно сказать, что НСВ, в принципе, сам по себе ничего не сообщает о достижении или недостижении предела. По мнению этих исследователей, там, где из контекста ясно, что речь идет о целостном предельном действии, СВ подчеркивает этот факт, а различие с НСВ состоит всего лишь в том, что в последнем случае достижение предела не подчеркивается.

Этот подход очень распространен. Он, например, встречается у А. В. Исаченко [Исаченко 1960: 132] и является теоретической основой таких известных работ, как книги О. П. Рассудовой [Рассудова 1968, 1982] и Дж. Форсайта [Forsyth 1970]. В то же время богатый материал о «видовой синонимии», приводимый в этих и других работах ([Падучева 1996]), по нашему мнению, свидетельствует о том, что выбор НСВ в подобных случаях трудно объяснить немаркированностью в таком понимании. НСВ и в этих случаях отличается от СВ скорее другим взглядом на «положение дел», чем уменьшением определенности в представлении о действии. Поэтому мы и предлагаем принять в семантике СВ русского языка дополнительный уровень. На этом уровне речь идет о том, каким образом данное целостное предельное действие «включается» в свое окружение. По нашему мнению, СВ требует представления об определенной связи по крайней мере одной из периферийных ситуаций последовательности XYZ (т.е. X или Z) с какой-нибудь «опорной» ситуацией, т. е. другой ситуацией, известной из контекста или речевой ситуации. НСВ (в отличие от СВ) к такому представлению относится отрицательно, что воспринимается как концентрация внимания на средней ситуации (Y), т. е. на самом действии. Данный признак СВ мы условно обозначаем термином «секвентная связь».

5. «Секвентная связь»

В разных определениях значения СВ можно найти элементы, указывающие на то, что авторы этих определений чувствуют, что формулировка «достижение конечного предела» не вполне достаточна для того, чтобы охарактеризовать суть СВ русского языка. Очевидно, выбор СВ предполагает еще один шаг, а именно, что значимость перемены ситуации, связанной с достижением данного предела, каким-то образом «актуализируется». Так можно воспринимать, к примеру, понятия «актуальность» у Ф. Лемана [Леман 1984: 68] и «актуализация обязательных пределов» у В. Броя [Брой 1997: 60]. В том же духе можно истолковать выражения «говорящий находится как бы вне процесса»

[Исаченко 1960: 133], «секвентность» [Гуревич 1971], «изменение в глагольной ситуации» [Гиро-Вебер 1990: 104] и др. Понятие «работа» у О. Н. Селиверстовой можно, пожалуй, связать с определенной оценкой различий между ситуациями X, Y, Z, которая возникает при ориентировке на итоговое состояние (Z).

Для передачи этого дополнительного признака значения СВ русского языка мы предлагаем термин «секвентная связь». Элемент «связь» в названии признака говорит о том, что в нашем сознании хотя бы одна из ситуаций, представленных значением данного глагола, каким-то образом связывается с некой «внешней» ситуацией. (Знание о «внешней» ситуации не содержится в данной глагольной форме, а выводится из контекста, речевой ситуации). Элемент «секвентный» указывает на то, что связь устанавливается не с самим действием (Y), а с ситуацией Z или ситуацией X, т. е. с ситуацией, являющейся периферийной по отношению к самому действию. Эти периферийные ситуации в силу своей природы имеют секвентные отношения с Y, они предшествуют самому действию или следуют за ним. (О других разновидностях признака «связь», встречающихся в определенных языках, см. пар. 10.)

Итак, признак «секвентная связь» надо понимать как указание на то, что переход из ситуации X в ситуацию Z, производимый действием Y, «актуализируется» тем, что цепочка XYZ рассматривается именно с позиции, совпадающей с одной из этих периферийных ситуаций (Z или X). Перенесение внимания с самого действия на его «окружение» вытекает из того, что само значение СВ в русском языке заставляет нас «искать» внешнюю ситуацию, с которой можно связать ситуацию Z или X.

В зависимости от характера глагольной формы и характера контекста встречаются определенные разновидности «секвентной связи», разные ее проявления.

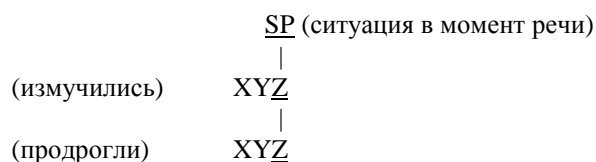
6. «Секвентная связь» у форм прошедшего времени

Самым ярким свидетельством существования данного признака являются случаи «перфектного значения» форм прошедшего времени СВ. Ярче всего это проявляется в минимальных высказываниях, содержащих всего лишь одну глагольную форму. В подобных случаях единственной ситуацией, которая могла бы послужить опорой для «секвентной связи», является речевая ситуация. Поскольку форма прошедшего времени СВ указывает на то, что само действие (Y) расположено целиком до момента речи, для связи с речевой ситуацией доступна только ситуация Z, т. е. мы воспринимаем связь между ситуацией в момент речи и итоговым состоянием, следующим за действием Y. Поэтому здесь мы исходим из того, что итоговое состояние в момент речи существует и определенным образом окрашивает наше представление о речевой ситуации. Как из-

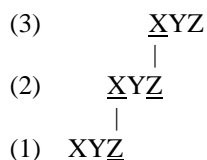
вестно, в русском языке в подобных случаях представление о существовании итогового состояния в момент речи является часто настолько сильным, что представление о самом действии, «производившем» переход в данное состояние, отодвигается целиком на задний план. При этом формы СВ прошедшего времени могут функционировать наряду с формами НСВ настоящего времени для описания общего положения дел в речевой ситуации: *Он очень устал, еле **передвигает** ноги!*

Интересно отметить, что в качестве одновременной характеристики «положения дел» в момент речи могут использоваться также разные формы прошедшего времени СВ. В таком случае эти формы воспринимаются не как указание на следующие друг за другом события. В примере *Лошади **измучились**, мы **продрогли*** порядок действий не релевантен, речь здесь идет не об их последовательности, важно лишь совпадение их итоговых состояний и их существование в момент речи. Подобное соотношение ситуаций можно было бы изобразить схематически следующим образом:

Выбор речевой ситуации в качестве опорной для связи с ситуациями типа Z в случаях перфектного значения является лишь одной из возможностей. Этот случай отличается прежде всего тем, что требования к контексту являются здесь минимальными. Однако, при достаточной поддержке контекста в качестве опорной ситуации может выступать и какая-нибудь ситуация, расположенная в прошлом. Таким образом последнее предложение можно было бы найти и в рамках рассказа о прошлом. Тогда из контекста должно быть достаточно ясно, что речь идет не о событиях, составляющих повествовательную линию, но что внимание направлено именно на описание разных сторон определенного «положения дел», относящегося скорее к фону описываемых в повествовании событий. В следующем фрагменте из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» интерпретация перфектного значения в прошлом вполне естественна: *Нам **должно было** спускаться еще верст пять по обледеневшим скалам и топкому снегу, чтоб достигнуть станции Коби. Лошади **измучились**, мы **продрогли**; метель **гудела** сильнее и сильнее [...].* В других языках в таких случаях скорее используются формы плюсквамперфекта или другие формы, указывающие не на события, но на состояния в прошлом (ср. английский перевод данных фраз: *The horses were exhausted; we were chilled.*).

Несмотря на возможность использования форм прошедшего времени СВ в перфектном значении даже в повествованиях о прошлом, они там в основном используются в совершенно другой функции: для передачи цепи сменяющихся событий, т. е. в аористическом значении. Такую интерпретацию совершенно естественно получает следующее сочетание форм СВ из вышеназванного произведения: *Вот мы и **свернули** налево и кое-как, после многих хлопот, **добрались** до скудного приюта [...]*. Самой характерной чертой аористического значения является представление о секвентности, т. е. последовательности событий. По нашему мнению, и эту черту можно истолковать как следствие признака «секвентная связь». Представление о цепи событий создается именно тем, что ситуация Z первой формы связывается с ситуацией X последующей, и т. д. Расположение различных ситуаций, которые описываются в предложении *Он встал (1), пошел к окну (2) и махнул рукой (3)*, можно схематически изобразить следующим образом:

В подобных случаях каждое действие как бы готовит почву для нового действия, следующего за ним.

7. «Секвентная связь» у других глагольных форм

В предыдущем параграфе мы показали, что у перфектного значения форм прошедшего времени «секвентная связь» осуществляется через ситуацию Z, в то время как у аористического значения часто как ситуация Z, так и ситуация X связаны с внешней ситуацией. Тенденции к выбору Z или X для установления связи у разных глагольных форм могут сильно различаться. Как нам кажется, при изолированном употреблении форм презенса СВ или императива СВ чаще всего чувствуется определенный элемент «отталкивания» от речевой ситуации. Это можно истолковать как проявление связи ситуации X (исходной ситуации данного действия) с ситуацией в момент речи.

Способность презенса СВ определенным образом окрашивать саму речевую ситуацию особенно ярко выражена в случаях так называемого потенциального значения этих форм, т. е. в общеизвестных примерах следующего типа:

*Я [...] обнял ее обеими руками, ибо одною рукой ее **не обхватишь***
(Чехов);

Хороший грим все недостатки скроет.

Как нам кажется, и в наглядно-примерном значении этих форм можно увидеть подобный элемент «отталкивания» действия, через ситуацию Х, от некоторой «заданной» ситуации. Своеобразие этих случаев заключается в том, что «заданная» ситуация не является конкретной, локализованной во времени, а воспринимается как «типичная», «возможная» и т. п. В подобных случаях форма презенса СВ описывает типичную реакцию на такую «заданную» ситуацию: *Каждый раз, в начале лета, у нее обязательно все дети **переболеют**; Иван любую вечеринку **испортит***. Логика рассуждения здесь такова: ‘существует ситуация, которую можно воспринимать как повод для возникновения действия, при котором дальнейший ход событий будет следующим ...’ Повторяемость данной последовательности XYZ выражается не самой глагольной формой СВ, а выводится из нашего знания того, что ситуация, воспринимаемая как «стимул» для возникновения действия, не является уникальной, а может встречаться больше одного раза.

Подобные факты указывают на то, что форма презенса СВ в русском языке очень легко воспринимается как выражение **реакции** на появившееся новое состояние. По нашему мнению, это можно истолковать именно как проявление «секвентной связи» через ситуацию Х данного глагола.

8. НСВ при единичном целостном действии: отсутствие «секвентной связи»

Наша модель предполагает такую возможность, когда НСВ отличается от соответствующей формы СВ исключительно тем, что отрицается признак «секвентная связь». Такие случаи, по нашему мнению, представлены в разных типах общефактического значения, а также в настоящем историческом.

Самые интересные примеры мы находим в тех случаях употребления прошедшего времени НСВ, где соответствующая форма СВ выражает перфектное значение. Как известно, выбор НСВ тогда может мотивироваться тем, что итоговое состояние (Z) в момент речи уже не существует (общефактическое двунаправленное): *Почему картина висит криво – ты **снял** ее?*

В следующем примере физический предел действия явно достигнут, но все же в момент речи действие оценивается как бесплодное, не имевшее желаемого эффекта: *Иван **показывал** Марии это письмо и, конечно же, ничего не добился*. [Кошелев 1996: 167].

И в следующем примере состояние в момент речи не соответствует тому, что можно было бы ожидать после успешного совершения действия: *Где мой билет, я же **брал** билет!*

Во всех этих случаях отрицается «секвентная связь», а это переносит внимание на само действие. Поэтому НСВ – самая подходящая форма, когда речь идет о том, существовало ли вообще данное действие (общефактическое экзистенциальное), или когда внимание направлено на обстоятельства, при которых действие происходило (общефактическое акциональное) [Падучева 1996]. В следующем примере перенос внимания на действие может быть мотивирован отрицательным отношением к действию (по всей вероятности говорящий считает, что лучше было бы его не совершать): *Зачем ты **покупал** эту пластинку?*

В русском языке очень интересны случаи настоящего исторического (или сходные с ним случаи настоящего сценического, настоящего изложения и т. д.). Как известно, здесь встречаются почти исключительно формы НСВ. (Презенс СВ в контексте настоящего исторического представлен только в случаях наглядно-примерного значения или в особом обороте с частицей *как*.)

Таким образом, в настоящем историческом часто встречаются формы НСВ там, где в повествовании с формами прошедшего времени использовались бы формы СВ, поскольку речь идет о цепи событий: *Петр **приходит**, **находит** ключ и **прячет** его в карман* (ср. **пришел**, **нашел**, **спрятал**); *Охваченная любовью [Татьяна] **решается** на смелый шаг. Она **пишет** Онегину письмо [...] Но Онегин **отвергает** ее признание* (ср. **решилась**, **написала**, **отверг**).

Выбор формы не прошедшего времени для передачи такой последовательности действий, которую можно было бы изобразить и формами прошедшего времени, уничтожает расстояние между этими действиями и наблюдателем. Часто отмечают, что в подобных случаях действие как будто «происходит на наших глазах». Однако, остается важное различие с актуальным настоящим: в последнем случае выбор НСВ всегда связан с нецелостным представлением действия, т. е. с определенной процессностью. Поэтому здесь не встречаются формы НСВ моментальных глаголов (*приходить* и т. п.). Как известно, при настоящем историческом такого ограничения нет. По нашему мнению, это связано с тем, что здесь действия вполне могут восприниматься как целостные события. Выбор НСВ в этом случае очевидно мотивируется тем, что отрицается только признак «секвентная связь». Таким образом данное действие рассматривается не как звено цепи событий (как при прошедшем времени СВ), но как-то изолированно. Стилистический эффект этого приема может быть разным. Он зависит от характера глагола и от контекста (особенно от чередования форм настоящего и прошедшего времени).

По нашему мнению, прагматический и стилистический эффекты, связанные с употреблением НСВ в различных случаях, указанных в этом параграфе, трудно объяснить такими понятиями, как «немаркированность» и «нейтрализация». Наш подход позволяет дать более положи-

тельную характеристику выбору НСВ в подобных случаях: сосредоточение внимания на самом действии (Y), вытекающем из отрицания признака «секвентная связь».

9. О возможности отсутствия признака «секвентная связь» у СВ других славянских языков

Как известно, в употреблении видов в разных славянских языках можно наблюдать довольно значительные различия. Это становится особенно заметным при сравнении фактов русского и чешского языков в работах Е. В. Петрухиной и А. Стуновой [Петрухина 1978; Stunová 1988, 1993]). В случаях неограниченной кратности и настоящего исторического чешский язык может использовать формы СВ, что в русском языке недопустимо. Более широкое употребление русского НСВ наблюдается и при императиве, и в общефактическом значении. В то же время есть и такие случаи, где в чешском языке СВ встречается реже, чем в русском языке. Речь идет о нарративном тексте, при передаче цепи событий. Ср. следующий пример из К. Чапека, в котором все три глагольные формы относятся к НСВ, с его русским переводом, в котором использованы только формы СВ:

Když mě viděl, poroučel se s té paničce a šel ke mně.

‘Увидев меня, он распрощался с дамочкой и подошел ко мне’

[Stunová 1988: 513]

Очевидно, чешский язык, в отличие от русского, не требует подчеркивания изменений, потенциально связанных с действиями, для восприятия их последовательности. По нашему мнению, подобные факты указывают на то, что виды чешского языка оперируют в основном на уровне признака «целостность», т. е. для противопоставления «действия в своем развитии» «действию с достигнутым пределом». Для принятия признака «секвентная связь» в качестве обязательного компонента значения СВ, в чешском языке, по всей вероятности, нет оснований.

Таким образом, наша модель до какой-то степени могла бы объяснить и определенные различия между видами разных славянских языков. Очевидно, только первые два уровня — «предельность» и «целостность» — нужно считать общеславянскими. Различия между славянскими видовыми системами в основном связаны с третьим уровнем: наличием или отсутствием признака «секвентная связь», либо его заменой каким-нибудь другим признаком.

К сожалению, сравнительная аспектология славянских языков на данном этапе не дает достаточного материала для проверки подобных гипотез.

10. Разные проявления элемента «связь» в других языках

Как было сказано в параграфе 5, признак «секвентная связь» можно было бы рассматривать как разновидность более общего признака. Определенные факты некоторых других языков указывают на существование других, логически возможных, разновидностей, таких, как «инцидентная связь» и «недифференцированная связь».

Как нам кажется, «инцидентную связь» можно найти у форм имперфектного типа определенных языков. Примером может служить имперфект новогреческого языка. Согласно Х. Сейлеру [Seiler 1952: 63, 113], эта форма не может выступать изолированно, она всегда требует наличия другого действия, которое, хотя бы частично, совпадает с действием данного глагола. Это значит, что, как и русская форма СВ, новогреческий имперфект заставляет нас искать такую ситуацию, с которой можно связать данное действие. Только в русском языке связь устанавливается через периферийную ситуацию, в то время как у имперфекта эту роль исполняет само действие.

По нашему мнению, признак «индифферентная связь» представлен в нидерландском языке, а именно в формах простого прошедшего времени. Данная форма типична для нарративных текстов. Для изолированного сообщения о прошлом она непригодна. (В последнем случае следует использовать форму перфекта, употребление которого довольно сильно отличается от употребления соответствующей формы английского глагола.) Нидерландский простой претерит требует наличия другой ситуации, с которой можно было бы связать описываемое действие. Однако, здесь безразлично, совпадает ли та ситуация с глагольным действием, или она с ним образует определенную последовательность. Единственное условие заключается в том, чтобы эти ситуации относились к одному временному плану, т. е. к прошлому. Интерпретация временных соотношений в предложениях с такими формами гораздо менее четка, чем в соответствующих текстах с формами прошедшего времени русского языка. Она в значительной степени зависит от лексического значения данных глаголов и от знания контекста, «знания мира» и т. п. Ср. следующие пары предложений:

Jan stond op de dijk en keek naar de zee. (одновременность)

‘Ян стоял на дамбе и смотрел на море.’

Jan klom op de dijk en keek naar de zee. (последовательность)

‘Ян поднялся на дамбу и посмотрел на море.’

(В изолированных высказываниях использовались бы формы перфекта: *heeft op de dijk gestaan, is op de dijk geklommen, heeft naar de zee gekeken.*)

11. Заключение

В трехступенчатой модели в первую очередь дается характеристика СВ, в то время как НСВ определяется отрицательно, как это делается почти во всех анализах русского вида. Однако, по нашему мнению, это не значит, что в значении НСВ нельзя найти положительные черты. В очень обобщенной форме противопоставление СВ - НСВ сводится к противопоставлению «последовательность ситуаций» - «одна ситуация» (ср. [Шатуновский 1996: 310]). Однако, если у неопределенных глаголов НСВ подобное значение вполне естественно вытекает из лексического значения, то у предельных глаголов НСВ лексическое значение связано именно с представлением о последовательности ситуаций (XYZ). При таких глаголах представление об одной ситуации возникает только вследствие присутствия граммемы НСВ, которая заставляет нас переменить исходное представление о последовательности ситуаций на новое представление об одной ситуации. Для этого существуют два возможных пути: либо концентрировать внимание на средней ситуации (Y), либо представить себе ситуацию более высокого порядка, состоящую из повторяющегося появления последовательности XYZ. Таким образом суть НСВ предельных глаголов состоит в абстрагировании от определенных изменений, в подчеркивании каких-то общих свойств, существующих на всем протяжении того временного интервала, который характеризуется данным предикатом. Считать НСВ немаркированным (в классическом смысле слова) можно лишь, когда речь идет о неопределенных глаголах. Однако, в настоящее видовое противопоставление входят только предельные глаголы НСВ, и их можно было бы скорее считать маркированными. Эта семантическая характеристика поддерживается фактами морфологии: несмотря на ряд важных исключений, ясно, что центром славянской видовой системы является деривация глаголов НСВ от глаголов СВ.

Литература

- Барентсен А.* Трехступенчатая модель инварианта совершенного вида в русском языке // Семантика и структура славянского вида I. Kraków, Wydawnictwo Naukowe WSP. 1995.
- Бондарко А.В.* Предельность и глагольный вид (на материале русского языка) // Известия АН СССР, Серия литературы и языка 50, 3, 1991.
- Брой В.* Семантика глагольного вида как отвлечение от предельных свойств лексем (иерархическая модель компонентов) // Семантика и структура славянского вида II. Kraków, Wydawnictwo Naukowe WSP. 1997.
- Гиро-Вебер М.* Вид и семантика русского глагола // Вопросы языкознания 1990, 2.
- Гловинская М.Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

Гуревич В.В. О значениях глагольного вида в русском языке // Русский язык в школе 32, 5, 1971.

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология II. Bratislava 1960.

Кошелев А.Д. Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах 1. М., 1996.

Маслов Ю.С. Аорист и имперфект в современном болгарском языке // Очерки по аспектологии. Л., 1984.

Пайар Д. Приставки: к программе исследования // Семантика и структура славянского вида II. Kraków, Wydawnictwo Naukowe WSP. 1997.

Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива. М., 1996.

Петрухина Е.В. О функционировании видового противопоставления в русском языке в сопоставлении с чешским (при обозначении повторяющихся действий) // Русский язык за рубежом, 1, 1978.

Рассудова О.П. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.

Рассудова О.П. Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1982.

Русская грамматика. Том II. М., 1980.

Селиверстова О.Н. Семантика СВ и понятие «работы» // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Том 2. Москва, 1997.

Тимберлейк А. Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике XV. М., 1985.

Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова. М., 1996.

Comrie B. Aspect. Cambridge, 1976.

Forsyth J. A grammar of aspect. Usage and meaning in the Russian verb. Cambridge 1970.

Jakobson R.O. Zur Struktur des russischen Verbums // Charakteria ... Mathesio ... oblata. Praga, 1932.

Lehmann V. Russischer Aspekt und sowjetische Aspektforschung // Handbuch des Russischen. Wiesbaden, 1984.

Seiler H. L'aspect et le temps dans le verbe néogrec. 1952.

Stunová A. Aspect and sequence of events in Russian and Czech: a contrastive study // Dutch Contributions to the Tenth International Congress of Slavists, Sofia, Linguistics. Amsterdam, 1988.

Stunová A. A contrastive study of Russian and Czech Aspect: Invariance vs. Discourse. Amsterdam, 1993.